

**Шолохова С. М. Шолохов в Победу верил всегда / со Светланой Шолоховой вел беседу
А. Кочетов // Советская Россия. - 2005. – 5 мая**

Светлана Михайловна Шолохова — старшая дочь писателя, окончила филологический факультет ЛГУ им. А.А. Жданова, работала преподавателем в педагогическом институте, журналистом, редактором в издательстве «Детская литература», сотрудником ИМЛИ РАН, в настоящее время — ученый секретарь Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова.

Накануне 60-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне и в преддверии 100-летия со дня рождения писателя мы попросили Светлану Михайловну ответить на несколько наших вопросов.

— Светлана Михайловна! Когда-то поэт верно заметил, что «есть суровая правда цифр», — и эта правда в нашем случае звучит поистине символично: в один и тот же год и даже в один и тот же месяц отмечаются шестидесятилетие Победы над фашизмом и столетие со дня рождения М.А. Шолохова. В связи с этим хотелось бы спросить: чем стала Великая Отечественная война для Михаила Александровича Шолохова как писателя и человека, для всей семьи Шолоховых?

— Как и для всех людей — страшной трагедией. Потерей близких, потерей всего самого дорогого. А для отца еще и сильнейшим нервным потрясением, потерей архива и библиотеки, контузией, от которой впоследствии он так и не оправился.

— Накануне войны вы были старшеклассницей Вёшенской школы. Как вам вспоминается предвоенная обстановка в станице?

— Вёшенская школа по составу преподавателей, их опыту была одной из лучших в районе, а может быть, и в области. Учителя Тимофей Тимофеевич Мрыхин, Лукия Андреевна Мрыхина, Надежда Андреевна Солдатова, Георгий Зиновьевич Лосев и другие с поразительным бескорыстием учили своих подопечных, не считаясь с личным временем, оставаясь иногда часами, втолковывая и разбираясь, чуть ли не по глазам определяя, понял ученик или не понял. В школе ставились спектакли, концерты, работала масса кружков, хорошо была поставлена физическая подготовка. Казалось, после всех потрясений мы только начинали жить: был в станице театр, приезжали артисты. И мы принимали участие во всех кружках, походах, мероприятиях — везде. Наши родители нас не ограничивали.

— Как было встречено в Вёшенской, на Дону, известие о начале войны? Как встретили это известие Михаил Александрович, Мария Петровна?

— По-моему, это даже не было неожиданностью. Потому что, когда мы были в Эстонии, только что присоединенной, и возвращались с папой и мамой в начале 1941 года через Москву, в Александровском саду уже копали какие-то окопы. Обстановка была тревожная, все жили в ожидании чего-то, может быть, не войны, а каких-либо событий, а может, и войны. Поэтому известие о войне, с одной стороны, было неожиданностью, а с другой стороны, не думалось, что это будет так скоро. Сообщение в Вёшенскую пришло, как и повсюду, — по радио выступал В.М. Молотов.

— Когда ваша семья эвакуировалась из прифронтовой станицы? Кем, как и куда была организована эта эвакуация? Где в это время был архив писателя? Какими были условия жизни в тылу?

— Я в это время работала в колхозе (тогда все старшеклассники работали в колхозе), в Колундаевке. С самого лета работали на прополке, потом убрали, дело дошло до подсолнечника, а это уже был октябрь. Где-то 12 или 13 числа за мной приехал на папиной машине шофер, Василий Яковлевич Попов, сказал: «Поехали домой, ваша семья будет эвакуироваться». 14 октября мы выехали из Вёшенской в направлении на станицу Слащевскую, потом к Волге. Возле Камышина переправились на ту сторону и остановились в Николаевке. Было три машины. Две папины легковые. Одна — старый-

старый «форд», а вторая «ЗИС-101», длинный такой красивый лимузин. В эвакуацию поехали мамы сестры с детьми, бабушки, народу было много, поэтому машины были битком забиты. А вот кто выделил грузовую машину для вещей, не знаю, райпо или кто-то еще. Но особенно никаких пожитков не брали. Почему? Потому, что нам не верилось, что немцы могут дойти до Вёшенской. Далеко было, и мы думали: уезжаем, потому что папа на фронт уходит, а нас должен вывезти. Не ожидали мы такого, хотя немцы 14 октября были уже под Москвой.

Мы остановились в Николаевке. Нам сначала дали «квартиру» над гауптвахтой. Там был какой-то гарнизон, где командиром был Мкртчян, он муштровал каких-то солдат. В этой квартире мы прожили недолго, нам довольно быстро подобрали дом, потому что детские сады позакрывались все и освободился детсадовский домик. Нам его дали, потому что нас эвакуировалось около 20 человек всего. С нами еще была семья В.Я. Попова. Ничего мы с собой особенно не взяли. Все осталось дома, в Вёшенской. И дом так простоял до 1942 года, до июня все было в целости и сохранности. Никто его не охранял, все было просто замкнуто. Мы же приехали в июле 1942 года назад, в Вёшенскую, только наша семья, на одной машине. Приехали, а потом пришлось отсюда быстро уезжать под бомбежкой... В Вёшенской после возвращения мы прожили дней десять. И вдруг через базковскую гору к станции, к деревянному мосту через Дон пошли машины. Машины огромные, саперные, их было много. В Вёшенской под каждым кустом стояли машины, солдаты вокруг них. Пришел к папе какой-то военный (по-моему, это был Князев) и говорит: «Что же вы сидите? Немцы уже под Россосью!» Мы сказали, что слушали до этого известия и там передали, что немцы отступают. «Немцы идут к Вёшенской, а мост на этом участке остался единственным на Дону, значит, все части будут эвакуироваться через него, и, возможно, скоро начнется бомбежка!».

Рядом с деревянным мостом был наведен еще один мост, понтонный. Крупные машины по нашему мосту пройти не могли. Утром мы пошли к Дону посмотреть. По мосту двигались танки, машины огромные. Какой-то военный нам сказал: «Идите отсюда по домам и носа не высовывайте. И близко чтобы не подходили к мосту». Видимо, они уже ждали бомбежки. Скопилось огромное количество техники на том берегу, в излучине, между Базками и Вёшенской.

Когда мы пришли домой, буквально через полчаса отец, услышав специфический гул, сказал, что летят немецкие бомбардировщики. И действительно, со стороны Базков появились три, по-моему, самолета. Мама нас сразу же, малышей всех и бабушек, — в погреб. Погреб во дворе обычный, где картошка, капуста хранились — всех туда, а мы с подругой, вспомнив, как нас учили на уроках по военному делу, спрятались в тень, прижались к леднику с теневой стороны и смотрим, как отрываются от самолета и летят вниз бомбы. И вот там примерно, где почта теперь, раздались первые взрывы. Отец с Луговым лежали под забором прямо во дворе. Отец увидел, что мы стоим, и крикнул, чтобы спускались в погреб. Когда самолеты улетели, он предположил: «Сейчас они дозаправятся и оттуда же, со стороны Миллерово, прилетят еще раз. Собирайтесь, и быстрее!». Мы погрузились и выехали в сторону хутора Солонцовского. Там остановились, огляделись. Анна Петровна, тетя наша, как была в фартуке, так в нем туда и приехала. Отец говорил, что главное — взять с собой документы, а у нее в кармане фартука оказалась только катушка ниток. Отец сказал: «Вечером вернемся и заберем все необходимое».

— Когда и как узнал М.А. Шолохов о том, что немецкой авиабомбой убита его мать? Сумел ли он вернуться в Вёшенскую ко дню ее похорон? Где вы находились в те трагические дни июля 1942 года?

— Бабушку он хотел забрать сразу, но она сказала: «Нет, корова придет, цыплята разбегутся... Вечером за мной приедешь, тогда и я с вами поеду». Пока мы ехали в Солонцовский, немецкие самолеты вернулись, и началась вторая бомбежка. Именно в ней бабушка погибла. Бомба попала прямо в сарай на скотном дворе, а она там рядом была, и

ее посекло осколками. Отец собирался ехать вечером забирать ее, взять зимние вещи, ведь мы уехали в том, в чем были, и тут какой-то человек на лошади прискакал в Солонцовский, сказал: «Михаил Александрович, ваша мать погибла». Отец тут же вернулся в Вёшенскую и возвратился к нам только в десять вечера. Обстановка была такой, что бабушку успели похоронить прямо во дворе, на огороде. Сделали могилку, а потом, в 1944 году, перезахоронили на Вёшенском станичном кладбище.

Мы вернулись в Николаевку, немцы в это время стали прорываться к Сталинграду, и отец нас повез в Казахстан. Ехали через степь. Дали ему в Николаевке две грузовые машины, и мы на них, все 22 человека, уехали в Дарьинку — село в 30 км от г. Уральска. Когда приехали туда, увидели саманные хаты, вросшие в землю, ни одного большого дома, только школа и кинотеатр одноэтажный. Зелени никакой, голая степь. Тетки как заревели... Там я окончила 10 классов дарьинской школы, казахский язык учила. А в 1943 году я одна уехала поступать в Москву в университет. Семья наша переехала в Камышин, а из Камышина уже возвращались домой в 1944 году.

— Когда Михаил Александрович узнал об утрате своего архива и библиотеки?

Предпринимал ли он какие-либо меры для их поиска по горячим следам или после?

— Когда мы первый раз уезжали где-то 14 октября 1941 года, то с собой мы фактически ничего не могли взять, и надо было архив сохранить. Отец заказал дубовые ящики примерно 120 на 80 см из толстых досок. Изнутри их обили клеенкой, которую сняли со столов. В один из ящиков он свой архив сложил, но не весь, конечно, только основное. Было и еще, вариантов-то много было по каждой главе, по каждой книге. Он взял основное, а остальное оставил в письменном столе, как и было. Библиотеку взять с собой, конечно, тоже не могли.

Когда мы приехали в июле 1942 года, все было целое, потому что в Вёшенской оставались Владимир Александрович Шолохов и Иван Петрович Громославский. Их оставляли здесь, в станице, на тот случай, если надо будет организовывать партизанскую войну. Они ведь местные, все знают. Потом дядю Володю мобилизовали в 42-м.

Ящики были зарыты в сеновале, возле которого была убита бабушка. А когда приехали, сначала ящик с утварью раскопали. В нем (в другом был архив) были сковородки, кастрюли — надо же детям на чем-то готовить. На следующий день после нашего приезда пришел к отцу начальник Вёшенского НКВД и сказал: «У здания райкома стоит машина, грузится райкомовский архив. Они погрузят свой и ваш архив заберут, чтобы отправить в безопасное место». Поскольку ящик нам в машине невозможно было везти из-за ограниченности места, отец его и отдал. Ну и, как обычно, по своей доверчивости ни расписки не взял, ничего. И все. Куда его увезли? Или его разбомбили? Или его выбросили?.. Вот так и пропал архив, а библиотеку растащили на самокрутки, на курево. Хотя кто-то из военных позднее в письме сообщал, что якобы в Вёшенскую приезжал какой-то офицер со Сталинградского фронта. Командующий специально выделил ему грузовик, чтобы перевезти библиотеку Шолохова. Ни подтвердить, ни опровергнуть это теперь невозможно. Отец писал П.К. Луговому насчет архива своего, что, мол, цел ли архив, цела ли библиотека и что осталось в доме? Что Луговой ему отвечал, я не знаю. Так что попытки искать были, но безрезультатны.

— Нельзя не вспомнить телеграмму М.А. Шолохова наркому обороны страны в июне 1941 года, пребывание писателя на фронтах, в действующей армии. С какими впечатлениями и как часто он наведывал семью? О чем рассказывал? Находил ли время писать?

— Как часто приезжал Михаил Александрович с фронта, сказать трудно. Приезжал, чтобы вывезти семью из эвакуации. Потом прилетал в Николаевку уже после контузии. Сталин лично дал ему три месяца отпуска на лечение. Приглашал тогда его в Грузию, но отец сказал, что поедет к своим. И со страшной контузией был в Николаевке, в это время не мог ни есть, ни пить. А так он возвращался домой короткими «набегами», потому что он был спецкором «Правды», «Красной Звезды» и «Совинформбюро». Его часто вызывали в

Москву то одни, то другие, то третьи на совещания.

В частности, в 1941 году почему он не попал в окружение под Москвой? Его, Фадеева и Петрова вызвал на какое-то совещание в Москву Щербаков. Он курировал тогда творческие организации, в том числе и Союз писателей. И только они уехали в Москву, как котел замкнулся, и из него уже невозможно было выбраться. Поэтому напрасной была обида Матильды Емельяновны Кудашевой на то, что отец не вызвал Василия Михайловича с фронта, чтобы забрать у него рукопись «Тихого Дона». Он не мог вызвать его, потому что сам был на этом фронте, где-то очень близко. И так получилось, что Василий Михайлович попал в окружение. В.М. Кудашев был страшно близорук, кроме того, очки у него разбились, и он был практически слепой, не знал, куда бежать. Попал в плен и умер где-то в 1944 году в концлагере. Долго искал его отец, искала его Матильда Емельяновна, а потом нашелся человек, который был вместе с ним в плену. Он и рассказал об этом Матильде Емельяновне.

Вообще на отца военные действия производили страшное впечатление. Даже после войны еще долгое время он ночью вскрикивал, вскакивал. Видимо, ему снилось все то, что он видел на фронте.

— Шолохов, несомненно, был в курсе положения дел на фронтах. Давал ли писатель оценку положения дел на различных участках фронта? Отмечал ли в ту или иную сторону усилия литработников, писателей в то время?

— Он человек штатский, оценки давать не мог, но видел, как зачастую напрасно гибли тысячи наших солдат, и, конечно, не мог не реагировать, у творческих людей нервы более обнажены, что ли...

Работу писателей на фронтах ценил высоко, считал очень необходимой.

— Дороги М.А. Шолохова на фронтах, какими были они? Сделали ли они его другим, и если да, то какими были эти изменения?

— Он побывал и на Северном, и на Западном, и на Юго-Западном фронтах. Был под Дебальцево, на Сталинградском фронте, в Кенигсберге. Он не находился постоянно, как Симонов, на фронте, а выезжал на какой-то участок, какое-то время был там, а потом его отпускали «отписываться». Кроме того, он работал уже тогда, с 1943 года, над главами «Они сражались за Родину», и они тогда сразу печатались.

Конечно, он изменился сильно, война была для него страшным потрясением. Ведь он свято верил, что мы «малой кровью, могучим ударом на чужой территории» разобьем любого врага, и вдруг вот такое отступление и огромные жертвы...

— Не секрет, что М.А. Шолохов во время войны обращался к И.В. Сталину с просьбой о встрече. Что он хотел сказать Верховному главнокомандующему?

— Вот на этот вопрос, кроме него, уже никто не может ответить... Встреча не состоялась. Видимо, отцу хотелось рассказать Сталину, как все на самом деле было, когда началась война, какие потери мы несли, о том, что видел на Западном фронте под Москвой. Может быть, так, не знаю...

— Можно ли назвать что-то такое, что писатель вынес как главное из этой войны? Всегда ли он верил в Победу?

— В Победу он верил всегда. И главное, что он вынес из этой войны — еще больше усилилась его любовь к народу, к людям, которые все могли перенести, преодолеть, жертвовали жизнью ради своей страны.

— Творческие люди обычно мыслят образами. Что было для него символом войны и символом Победы?

— Наверное, об этом можно судить по «Судьбе человека»: символ победы и есть наш народ, наш солдат, который все вынесет. Он всегда был победителем.

— Каким вам вспоминается отец тех лет чисто внешне: шла ли ему военная форма, имел ли он оружие и какое, надевал ли он форму полковника Красной Армии после войны?

— Отец носил форму так же, как и военные. Она ему очень шла. Он всегда был подтянутым и внутренне очень дисциплинированным, и оружие тогда у него, конечно,

было. Ему и Конев, и другие маршалы дарили оружие на фронтах, когда он бывал у них. У него были маузер, вальтер, наган. Ну и автомат ППШ был, который всегда лежал в машине. Отец ведь на Юго-Западе ездил на своей машине по фронтам со своим водителем Василием Яковлевичем Поповым. И форму он носил до самого приказа о демобилизации в 1946 году.

— Светлана Михайловна! Как сложилась ваша личная судьба в послевоенные годы?

— Я ведь вышла замуж за военного моряка, да еще за пограничника. Поэтому судьба нас мотала по всем морским границам Советского Союза, начиная с Прибалтики, кончая Севером. Были в Заполярье, на Камчатке, в Грузии...

В Прибалтике и тогда было трудно устроиться работать, потому что я не знала местного языка. Но в Таллине я работала. Это было первое мое место работы. Таллинский педагогический институт, кафедра русского языка и литературы. Я приехала, тогда еще комсомолкой была, только что окончив Ленинградский университет, филфак. Пришла становиться на комсомольский учет, в республиканский ЦК комсомола. У них не было райкомов, там был один ЦК. Посмотрели, что я филфак окончила, а у них не хватало преподавателей на кафедре русского языка и литературы, и меня просто туда направили. Я получила такую «нагрузку». Это было весной, а мне приступить к работе надо было с 1 сентября. Не было ведь учебников, мне дали курсы: теория литературы, детская литература и литература XVIII века. И я уехала в Ленинград, в «публичку», сидела там полгода, создавала свои разработки по всем курсам. В общем, я читала все эти курсы и у заочников, и у очников.

Потом мужа переводили, мы уехали. И так без конца. На Камчатке я работала сначала в школе, затем в филиале Хабаровского пединститута. А потом, когда второй раз попали на Камчатку, я уже работала в «Камчатской правде» корреспондентом. Ездила по Камчатке в командировки.

Вообще-то сначала поступала я в Московский университет на химический факультет, окончила 3 курса, но затем на занятиях отравилась бромом, дыхательные пути обожгла, и мне врачи запретили работать в химической лаборатории. Мне пришлось выбирать другой факультет. В это время я вышла замуж за А.М. Туркова, мы переехали в Ленинград. Там я поступила на филологический факультет Ленинградского университета, на первый курс, где училась с 1946 по 1952 год. После меня сразу и направили в Эстонию. И у меня, недавней студентки, учились, в том числе и учителя-заочники с 20-летним стажем. Вот так и сложилась моя судьба после войны. Потом нас в Москву переводили, в Грузии мы были 2,5 года, а все последние годы, вплоть до смерти мужа, жили в Ленинграде. После этого я уехала в Москву, работала в ИМЛИ некоторое время, а потом решила переехать домой, в Вёшенскую. Теперь живу здесь, работаю в музее.

— Вспоминал ли и как часто М.А. Шолохов войну? Выделял ли он из общей массы людей фронтовиков? Ведь он сам был офицером-фронтовиком.

— Он всегда очень трогательно, с огромной любовью и уважением относился к солдатам. Если письмо было от солдата, то ясно было, что просьба его будет по возможности выполнена. Сколько мог, он помогал им. А денег после войны фактически не было, потому что переиздавали тогда мало. Но я знаю, что двоим отец высылал каждый месяц стипендии. Одному он посылал в Красноярск, а другому — не помню. Оба они призывались на фронт из вузов, а после войны хотели закончить обучение, обратились к Шолохову как к последней надежде. Не помню их фамилии, но факт такой был. Многие считали, что ему это легко дается, что он «миллионер», а он и нам порой не мог помочь, когда мы учились.

Он до конца себя считал военнообязанным. Какая-то военная жилка где-то в нем жила. До войны еще он носил полувоенную форму. Так что привычными для него были и гимнастерка, и брюки-галифе, и сапоги.

— Фронтовики-станичники провели в феврале 2005 года встречу, посвященную двум юбилеям, и назвали ее «М.А. Шолохов — земляк, однополчанин, фронтовик». Что бы вы

хотели сказать тем, кто помнит и чтит память о М.А. Шолохове, особенно в дни 60-летия Победы и его предстоящего юбилея.

— Я хочу сказать огромное спасибо всем, кто помогал нам в эвакуации выжить, кто вместе с нами верил в Победу, всем, кто теперь чтит память отца, а не пытается очернить его самого и его творчество, его веру в светлое будущее своего народа.

Мне стыдно за тех мнимых друзей, которые пели ему дифирамбы, а потом, когда ветер повернул, поливали грязью. Многие никогда не виделись с ним, не общались, не были в Вешенках и, наслушавшись околелитературных сплетен, выплескивают и сейчас всю эту грязь на страницы газет, журналов, телепередач, с умным видом рассуждают о том, каким он был, сколько пил и т.д. Все это мерзко, но история все расставит по своим местам.

Вернее, жизнь. Ведь историю нынче пишет каждый под себя. Теперь уже Власов — герой, а Гастелло и Матросов — ненормальные, и в Европу наша армия пришла не освободительницей, а «оккупантами»... Бог с ними, с этими недоумками от истории.

Отец очень переживал приближение перестройки, и слава Богу, что не дожидаясь развала великой державы, до ее унижения.

Спасибо еще раз друзьям (их теперь почти не осталось, да и было не так уж много) за то, что помнят и издают его книги, что так торжественно готовятся отметить его 100-летие.

Только кому это больше нужно: ему, после смерти, или нам, на чьи плечи легла нелегкая ноша перестройки и реформ? И что еще предстоит пережить нам с нашей многострадальной страной?

Видимо, нам чаще надо вспоминать тех, кто создавал славу нашей державы, кто ее поднимал на такую высоту, чтобы не потерять себя и страну где-то на задворках истории.